

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

РУКОПИСНЫЯ СОБРАНІЯ АӨОНА

(Историко-библиографическій очеркъ).

І

Аөонскіе монастыри издавна являются хранилищами значительнаго числа рукописей, какъ священнаго и богословскаго, такъ и свѣтскаго содержанія. Въ 1895 году вышелъ въ свѣтъ первый томъ обширнаго описанія Аөонскихъ рукописей, принадлежащаго перу профессора Аөинскаго университета, Спиридона П. Ламброса ¹⁾. Здѣсь описано свыше четырехъ тысячъ рукописей изъ семнадцати Аөонскихъ монастырей и скита св. Анны. Авторъ изучилъ рукописныя богатства Аөона, при помощи двухъ своихъ учениковъ, въ 1880 году, въ теченіе четырехмѣсячнаго пребыванія на Святой горѣ. Съ тѣхъ поръ библиотека одного монастыря (Симоно - петровскаго) успѣла сдѣлаться добычею пламени въ 1891 году, такъ что замѣтки описанія остаются единственнымъ воспоминаніемъ о значительномъ монастырскомъ книгохранилищѣ.

Разобранныя проф. Ламбросомъ рукописи относятся въ ІХ—ХІХ вѣкамъ. Столь долгій промежутокъ времени не могъ, конечно, миновать безвредно для занимающихъ насъ рукописей: чѣмъ далѣе уходимъ мы въ глубь вѣковъ, тѣмъ менѣе сохранилось оттуда рукописныхъ сборниковъ. Многія обстоятельства содѣйствовали ихъ исчезновенію; монастырскимъ библиотекамъ довелось раздѣлить многострадальныя судьбы самихъ обитателей. Выдавшійся въ море полуостровъ Аөона издавна привлекалъ въ себѣ нападенія степныхъ азіатовъ. Потомъ, вмѣстѣ со всѣмъ православнымъ Востокомъ, Аөонскіе

¹⁾ Κατάλογος τῶν ἐν ταῖς βιβλιοθήκαις τοῦ ἁγίου ὄρους ἐλληνικῶν κωδίκων, ὑπὸ Σπυρίδωνος Π. Λάμπρου, καθηγητοῦ τῆς ἱστορίας ἐν τῇ Ἀθῆναι πανεπιστημίῳ. Τόμος πρῶτος. Ἐν Κανταβριγίᾳ τῆς Ἀγγλίας. 1895.

монастыри подпали подъ власть турецкихъ завоевателей. Но новѣйшій историкъ Аѳона, Ф. Мейеръ, высказывается, что турецкое владычество было довольно милостиво и гуманно къ святогорскимъ монахамъ¹⁾. Но если правительство блистательной Порты и склонно было снисходительно относиться къ мирнымъ пріютамъ православнаго иночества, то въ отдѣльныхъ нападеніяхъ и притѣсненіяхъ со стороны плохо дисциплинированныхъ турецкихъ солдатъ и чиновниковъ — никогда не было недостатка.

Не могли не страдать при такихъ захватахъ и монастырскія библіотеки; о томъ свидѣлствуетъ цѣлый рядъ записей, изъ разнаго времени сохранившихся въ рукописныхъ сборникахъ Аѳона. На пергаментномъ кодексѣ XI вѣка изъ монастыря Есфигмена позднѣйшая замѣтка объясняетъ, что рукопись попортилась при взятіи обители турками въ 1533 г.; потому „въ 1719 году, при настоятельствѣ и управленіи монастыремъ Божією милостію высокопреосвященнѣйшаго митрополита бывшаго Меленивскаго, владыки Григорія²⁾, повелѣніемъ преподобнаго отца дикая Исаія, кодексъ заново переплетенъ Григоріемъ“.

Счастіе еще для монастырскихъ библіотекъ Аѳона, что турки никогда не отличались библіофильскими стремленіями. Если вѣрить показанію Дуки, за одну мелкую монету можно было зачастую купить у турка десятокъ рукописей Платона, Аристотеля и другихъ древнихъ писателей. Денежному выкупу, хотя и не въ такихъ скромныхъ размѣрахъ, обязаны своимъ спасеніемъ и многіе рукописные кодексы Аѳона. Замѣтка на Есфигменскомъ сборникѣ XI вѣка³⁾ описываетъ двукратное жестокое разореніе монастыря „безбожными ненавистниками Христа—агарянами“. „Случился тогда въ монастырѣ,—рассказываетъ неизвѣстный авторъ замѣтки:—киръ-Аеакій изъ

¹⁾ Ph. Meyer. Die Haupturkunden für die Geschichte der Athosklöster. Leipzig. 1894, S. 69 (авторъ работалъ преимущественно по Аѳонскимъ рукописямъ; нѣкоторыя изъ нихъ, въ точныхъ спискахъ, вошли въ его книгу)

²⁾ Одинъ изъ ктиторовъ Есфигменскаго монастыря, въ 1705 году, собиравшій во многихъ епархіяхъ подаяніе на обновленіе обители (Превосв. Порфирій Успенскій, Первое путешествіе въ Аѳонскіе монастыри и скиты, часть I. отдѣл. I. Кіевъ 1877, стр. 250).

³⁾ Надобно помнить, что замѣтки на рукописяхъ часто значительно моложе самихъ кодексовъ.

Кохліарскаго монастыря¹⁾; онъ спасъ отъ агарянъ 70 монастырскихъ книгъ, большихъ и малыхъ, а также императорскія грамоты“. Слѣдуетъ перечень спасенныхъ отцомъ Акакіемъ книгъ. „Эти книги,—заключаетъ замѣтка:—выкупилъ на свои деньги киръ-Акакій и отдалъ ихъ въ монастырь Есфигмена; и кто похититъ ихъ изъ монастыря, суди того Христосъ Богъ въ день судный! Вѣчная тому анаѣема! Да услышитъ тотъ: „Идите отъ Меня, проклятые, въ огнь вѣчный, уготованный діаволу“. Аминь, аминь, аминь“.

Другія записи называютъ и цѣну, за которую выкупались у хищниковъ захваченныя ими монастырскія книги. Евангеліе XI вѣка изъ монастыря Есфигмена священникъ Аргиръ „выкупилъ у одного Агарянина, когда совершилось плѣненіе Серръ, во времена, когда армада турокъ вступила въ Епактъ, и отдалъ за то сто аспровъ“.

Иную судьбу рукописи рисуетъ помѣтка на сборникѣ XI вѣка изъ Кутлумушскаго монастыря: „Сія книга принадлежитъ скиту святаго отца нашего, равноангельнаго Онуфрія, въ лаврѣ Карейской. Изъ помянутаго скита взялъ книгу я, монахъ Каллиникъ, во время нашествія турокъ, но не ради святотатства, какъ, пожалуй, кто нибудь заподозритъ, а чтобы сберечь книгу. А кто вздумаетъ ее похитить, при жизни ли моей, или послѣ моей смерти, въ случаѣ, если я не успѣю вернуть книгу скиту, да будетъ тотъ вмѣстѣ съ сатаною, съ Іудою предателемъ, вмѣстѣ съ кричавшими: „Возьми, возьми, распни Его!“

Эти энергичныя заклятія, столь часто повторяющіяся на монастырскихъ рукописяхъ, доказываютъ только, какъ мало въ сущности владѣльцы рукописей могли разсчитывать на дѣйствительность своихъ угрозъ. Въ самомъ дѣлѣ, о похищеніи рукописей изъ Аѳонскихъ библиотекъ говоритъ цѣлый рядъ данныхъ. Въ библиотекѣ Кутлумушскаго монастыря есть сборникъ словъ Іоанна Златоуста, на пергаментѣ, изъ XIII вѣка; снабженъ онъ по обыкновенію замѣткою о писавшемъ книгу, но вотъ что невольно останавливаетъ вниманіе читателя въ этой рукописи. Первоначально въ ней названы были и монастырь, въ которомъ и для котораго списывался сборникъ, и

¹⁾ Теперь—келья Хиландарскаго монастыря; ср. Исторію Аѳона, преосв. Порфірія, Кіевъ, 1877, часть III, стр. 91.

святой, въ томъ монастырѣ почитавшійся; только оба эти имени тщательно и, очевидно, предумышленно выскоблены,— явное доказательство хищенія, жертвою котораго сдѣлалась данная рукопись. Число похищеній особенно возрастаетъ съ эпохи возрожденія наукъ. Произведенія древнихъ писателей возбуждаютъ въ это время въ западной Европѣ всеобщій интересъ, съ жадностью приобрѣтаются и цѣнятся очень высоко. Люди, не разбирающіе средствъ обогащенія, съ жаромъ принимаются за кражу и продажу выгодной старины. Печальную извѣстность такого рода приобрѣлъ на Аѳонѣ нѣкій Константинъ Симоидъ¹⁾: изъ одной монастырской рукописи онъ вырываетъ нѣсколько пачекъ листовъ, которыя затѣмъ появляются въ Лейпцигской библіотекѣ; другой кодексъ платится своими лучшими рисунками, и какъ разъ тотъ самый кодексъ, который грозитъ хищнику вѣчной анаемой, вѣчнымъ адскимъ огнемъ. Въ одной рукописи разрушительный слѣдъ оставленъ и русскимъ изслѣдователемъ: послѣдній листъ сборника вырванъ и замѣненъ фототипическимъ съ него снимкомъ; на снимкѣ стоятъ буквы P. S., монограмма нашего изслѣдователя, П. И. Севастьянова, какъ объясняетъ авторъ описанія.

Помимо того, рукописи гибли во множествѣ отъ огня и воды, отъ беспощадной любознательности червей и крысъ, и все это плохо рекомендуетъ вниманіе монастырскаго читателя къ своимъ книжнымъ сокровищамъ. Правда, въ послѣднее время замѣчается уже въ этомъ отношеніи поворотъ къ лучшему въ средѣ Аѳонскихъ монаховъ, правда, мѣстами богаты собранія поручаются инокамъ съ истиннымъ призваніемъ къ дѣлу, съ задатками настоящихъ ученыхъ, вроде о. Маттея, бібліотекаря Русскаго Пантелеймоновскаго монастыря на Аѳонѣ²⁾.

¹⁾ О припискѣ къ одному кодексу Ветхаго Завѣта въ Ватопедскомъ монастырѣ преосв. Порфирій замѣчаетъ: «Въ этой припискѣ чернила слѣжи. Думаю, что ее сочинилъ извѣстный грѣховодникъ Симоидидисъ, бывавшій въ Ватопедѣ и издавшій тамошнія рукописи». (Перв. путеш. въ Аѳонскіе монастыри, часть II, отд. II, стр. 78).

²⁾ А. Дмитриевскій, Русскіе на Аѳонѣ, Спб. 1895, стр. 147 и сл. Эту книжку, съ фактической стороны, можно рекомендовать всѣмъ интересующимся положеніемъ русскаго иночества на св. горѣ. Жаль только, что слогъ монографіи г. Дмитр. далеко недостоинъ интереснаго содержанія книги. Попадаютъ фразы поразительно безграмотныя, напр.: «За заставой Миталъ Ивановичъ простился съ отцомъ, выронивъ нѣсколько слезъ съ обѣихъ сто-

Но такъ дѣло обстоитъ далеко не во всѣхъ Аеонскихъ монастыряхъ. Сплошь и рядомъ дорогія для науки рукописи остаются по прежнему во власти всякихъ досадныхъ случайностей. Въ одной рукописи проф. Ламбросъ отмѣтилъ имя переписчика, которое и внесъ въ свое „описание“; но въ томъ же описаніи ему пришлось оговориться, со словъ своего аеонскаго корреспондента, что съ 1891 года записи съ именемъ переписчика уже не существуетъ, какъ не существуетъ и нѣсколькихъ послѣднихъ листовъ рукописи, вырванныхъ чьею то „любопытельною“ рукою¹⁾. Такіе случаи и въ будущемъ сулятъ мало добраго Аеонскимъ монастырскимъ библіотекамъ.

II

Въ своихъ рукописныхъ работахъ Аеонскіе переписчики остались вѣрны преданіямъ классической старины. Какъ извѣстно, въ древней Греціи и Римѣ рукописной работѣ принадлежало большое культурное значеніе. Образованные и достаточные люди устраивали у себя на дому, изъ собственныхъ рабовъ, цѣлыя мастерскія для переписки произведеній литературы; отсюда тысячи списковъ разносили старья и новья сочиненія по всему культурному миру. Въ греческой антологіи сохранился рядъ стихотвореній, въ которомъ писцы посвящаютъ богамъ орудія своего ремесла²⁾. Такія посвященія обращаются не къ одному Гермесу, богу ремесла, но и къ музамъ, божественнымъ покровительницамъ всякаго творчества. И это вполне понятно: созданіе художественной литературы древніе всегда старались представить въ художественно исполненныхъ спискахъ, и, въ глазахъ писца, его работа не была простымъ

ронъ» (стр. 54), или «Святогорець Серафимъ польщенъ былъ лестнымъ для него вниманіемъ вожака тогдашней литературно-журнальной дѣятельности, Булгарина» (стр. 64) и т. под.

¹⁾ Какъ расправлялись иногда Аеонцы съ драгоценными памятниками своей старины, показываетъ еще слѣдующее сообщеніе преосв. Порфирія, въ III ч. «Исторіи Аеона», стр. 43: «Въ царской грамотѣ Льва Мудраго, охранявшей права аеонскихъ исихастовъ, отъ самаго начала ея кто то отрѣзалъ оба края для того, чтобы изрѣзанные кусочки пергаминна надѣвать на уду и ловить ими рыбу».

²⁾ *Anthologia Palatina*, книга VI, эпиграммы 62—68 (ed. H. Stadtmueller, Lips. 1994).

ремесломъ, но восходила на степень искусства, становилась каллиграфіей.

У Аеонскихъ писцовъ къ прежнему мотиву каллиграфской дѣятельности присоединился одинъ новый, разумѣемъ то благовѣйное чувство, съ какимъ исполнялась переписка священныхъ книгъ. Въ этомъ отношеніи интересно сравнить почеркъ одной и той же руки въ самомъ содержаніи книги и въ постороннихъ помѣткахъ разнаго характера. Въ то время, какъ священное содержаніе рукописи переписчикъ воспроизводитъ съ величайшею тщательностью, не чертя, а, можно сказать, вырисовывая каждую букву, не щадя при этомъ ни времени, ни труда,—въ своихъ замѣткахъ онъ разрѣшаетъ себѣ гораздо большую небрежность почерка, часто весьма затрудняющую чтеніе записей.

Такой каллиграфскій характеръ переписка священныхъ книгъ принимаетъ на Аеонѣ очень рано. Подъ типикомъ императора Іоанна Цимисхія, относящимся къ 972 году, въ числѣ почетнѣйшихъ иноковъ Аеона, подписался игумень, каллиграфъ Николай¹⁾. Основатель Аеонской лавры, преподобный Аеанасій, занимался каллиграфскою работою еще до перехода на Аеонъ, въ одномъ изъ монастырей Востока; объ этомъ упоминаетъ житіе пастыреначальника аеонскаго иночества, составленное лаврскимъ монахомъ Аеанасіемъ, при второмъ игуменѣ лавры, Евстратіи. Въ своемъ послѣднемъ завѣщаніи²⁾ препод. Аеанасій поручаетъ особенному вниманію братіи каллиграфа, монаха Іоанна. Неоднократное появленіе монаховъ каллиграфовъ въ описанныхъ проф. Ламбросомъ кодексахъ³⁾ доказываетъ, что съ теченіемъ времени каллиграфское искусство не

¹⁾ Meyer, Haupturkunden für die Geschichte der Athosklöster, S. 151.

²⁾ Напечатано по Аеонскимъ рукописямъ Ф. Мейеромъ Haupturkunden, стр. 120—130, и затѣмъ г. Дмитріевскимъ, профессоромъ Кіевской Духовной Академіи, въ его капитальномъ изданіи: «Описаніе литургическихъ рукописей, хранящихся въ бібліотекахъ православнаго Востока. Томъ I. Тѣхніка. Часть I. Памятники патриаршихъ уставовъ и ктиторскіе монастырскіе типиконы». Кіевъ, 1895, стр. 238—256; кончина преп. Аеанасія падаетъ, приблизительно, между 997 и 1011 годами.

³⁾ Напр., каллиграфъ Феодоръ изъ Петровскаго монастыря (рукоп. XIV вѣка); іеромонахъ, каллиграфъ Лаврентій, рукоп. XVIII в.; монахъ, каллиграфъ Онуфрій, ркп. XVIII в.; монахъ, каллиграфъ Досноей, ркп. XIX в.; каллиграфъ Іосафъ съ Пароса ркп. XIX в.

падало, а все болѣе и болѣе росло и развивалось на святой горѣ. Въ рукописныхъ сборникахъ Аэона намъ попадаются замѣтки, разъясняющія технику каллиграфскаго искусства, напримѣръ о томъ, какъ готовить чернила, особо для пергаментовъ, особо для бумаги (рп. XVI в.), какой шрифтъ предпочтительно выбирать для переписки (рп. XVIII в.) и т. под.

Чтобы повончить съ внѣшностью занимающихъ насъ рукописей, необходимо упомянуть объ украшающихъ многія изъ нихъ разнообразныхъ и многоцвѣтныхъ рисункахъ, давшихъ уже матеріалъ для почтеннаго изслѣдованія объ Аэонскомъ искусствѣ¹⁾. И такъ живучи преданія классическаго искусства, что даже здѣсь, въ работахъ художниковъ—инокъ, зачастую связываются вліянія античныхъ мастеровъ, конечно, значительно ослабленныя временемъ и иными условіями труда. Такъ, на св. Андреѣ, изображеніе котораго находимъ въ одномъ пергаментномъ сборникѣ XII вѣка, золотисто-фіолетовый плащъ наброшенъ совершенно также, какъ на латеранской статуѣ трагика Софокла; извѣстно, что у древнихъ Аэинянъ умѣнье набросить плащъ съ особеннымъ изяществомъ являлось необходимымъ достоинствомъ образованнаго человѣка. Въ пергаментномъ сборникѣ XIV вѣка есть рисунокъ, изображающій Исаію, воздѣвающаго руки для благословенія. Справа отъ него заря въ видѣ мальчика съ пылающимъ фавеломъ въ рукахъ, слѣва ночь свиваетъ надъ головою темный покровъ и тушитъ блѣдную лампаду,—образы, всецѣло заимствованныя изъ классическаго искусства. Другой, чисто христіанскій символъ находимъ въ одной пергаментной псалтири XIV вѣка: по обѣ стороны Моисея стоятъ двѣ женщины и такъ протягиваютъ руки, что вмѣстѣ съ тѣломъ Моисея получается фигура креста. Христіанская символика играетъ видную роль и въ рисункахъ отдѣльныхъ фигурныхъ буквъ и заставокъ; таковы, напримѣръ, буква Е, въ серединѣ которой изображена благословляющая рука, таково М—орелъ, съ раскинутыми крыльями поднимающійся въ небо. Орелъ съ развернутымъ крыломъ, сидящій на земномъ шарѣ, повторяется и въ другой заставкѣ (XII вѣка). Надобно знать, что въ символикѣ христіанскаго искусства орелъ часто является прообразомъ Христа: „истинный орелъ,

¹⁾ Brockhaus, Die Kunst in den Athosklöstern, Leipzig, 1891.

говорить св. Амвросій:—это Христосъ Богъ нашъ, коего юность обновилась, когда Онъ возсталъ изъ мертвыхъ“¹⁾. Мы не кончили бы долго, еслибы стали перечислять сюжеты всѣхъ заставокъ и мелкихъ иллюстрацій, отмѣченныхъ въ Аеонскихъ рукописяхъ г. Ламбросомъ: здѣсь есть и страданіе св. св. мучениковъ, и ихъ портретныя изображенія, и отдѣльныя жанровыя сцены (крестьянинъ, обрабатывающій поле; медвѣдь, поднявшійся на заднія лапы и др. др.), и богатые и разнообразныя вѣнки и завязи изъ листьевъ, плодовъ и цвѣтовъ. Интересны, между прочимъ, въ одномъ сборникѣ XIV в. рисунки, относящіеся къ загробной судьбѣ человѣка: ангелъ выводитъ изъ мертваго тѣла черезъ ротъ душу, имѣющую видъ ребенка (вверху надпись: „Душа грядетъ,—суди же по заслугамъ!“); та же душа несется въ сопровожденіи ангела надъ морями и безднами и т. под. Во многихъ изъ этихъ рисунковъ изящный подборъ и расположеніе красокъ, смѣлость композиціи и увѣренность исполненія обличаютъ опытную, талантливую и воодушевленную руку. Составитель описанія недаромъ называетъ нѣкоторыя иллюстрированныя рукописи Аеона „истинными сокровищами искусства“. На одной изъ такихъ замѣчательныхъ въ художественномъ отношеніи рукописей сохранилась помѣта (отъ 17-го іюля 1860 года) епископа Порфирія Успенскаго, извѣстнаго знатока и историка Аеона; какъ видно изъ помѣты, преосвященный сдѣлалъ фотографическіе снимки со всѣхъ рисунковъ рукописи. Нѣкоторыя иллюстраціи, помимо художественнаго значенія, полны археологическаго интереса; такъ, описаніе паломничества ко Гробу Господню, списанное въ XVII вѣкѣ нѣкимъ Данииломъ врачомъ, сопровождается хотя и мало искусными, но несомнѣнно важными для археологій изображеніями различныхъ церквей. Шагъ впередъ представляютъ въ нашихъ рукописяхъ изображенія писцовъ или жертвователей рукописей, въ которыхъ нѣкоторые изслѣдователи не безъ основанія видятъ первые зачатки портретной живописи. Такимъ образомъ во всѣхъ отношеніяхъ приходится пожалѣть, что типографскія затрудненія не дозволили г. Ламбросу украсить свой каталогъ снимками съ аеонскихъ рисунковъ, заготовленными имъ въ значительномъ числѣ.

¹⁾ Kraus, Real-Encyclopädie der christlichen Alterthümer, Freiburg, 1882, s. v. Adler.

III

Замѣтки писцовъ на Аѳонскихъ рукописяхъ не сообщаютъ большихъ подробностей объ ихъ работѣ. Въ своемъ христіанскомъ смиреніи они склонны скорѣе замалчивать, чѣмъ выставлять на показъ эти благочестивые труды. Нерѣдко писецъ не называетъ даже своего имени, ограничиваясь глухимъ намекомъ вродѣ такого: „списано нѣкіимъ недостойнымъ, невѣжественнымъ монахомъ“, или: „писано рукою Аѳонскаго монаха“, или „кончено нѣкіимъ іеромонахомъ Критяниномъ“ и т. под. Часто также имя писца помѣчено тайнописью, не всегда поддающеюся разбору; проще и яснѣе очень распространенная въ Византіи замѣна буквъ тѣми числами, для обозначенія которыхъ служатъ обыкновенно эти буквы. А если писецъ и упомянетъ свое имя, то славу своего труда всегда постарается отстранить отъ себя: въ каллиграфскомъ дѣлѣ онъ вполне невѣжественъ; если пишетъ, то только покоряясь повелѣнію игумена или духовника; онъ проситъ принять его трудъ, какъ Христосъ принималъ лепту вдовицы, умоляетъ читателей простить ему невольные промахи и ошибки ¹⁾. Самой распространенной и вполне выразительной формулой записи является такая: „даръ Бога, трудъ Теофила“, или „Теофана“, или „Герасима“. Съ молитвою къ Богу беретъ писецъ за перо, благоговѣйное чувство не покидаетъ его во время всей работы, благодарной молитвой и завершаетъ онъ свой трудъ, „Кто подвигаетъ руку?—говоритъ писецъ XVII вѣка:—Кто даруетъ отдыхъ? Господь нашъ Исусъ Христосъ, Сынъ Бога живаго; онъ и малѣйшаго въ іеромонахахъ Маттея подвигнулъ кончить эту книгу“.—„Преклонивъ колѣни“,—читаемъ мы въ другомъ мѣстѣ:—и склонивъ голову, простерши руки къ божественнымъ книгамъ, я завершилъ это Богомъ преданное писаніе“. И если писецъ перечисляетъ списанныя имъ книги, то сейчасъ же предупреждаетъ возможные упреки въ славолубіи: „Я перечисляю по имени свои книги не изъ желанія похвалиться, но чтобы не вздумалъ кто нибудь вырвать и по-

¹⁾ Специальная причина для читательскаго снисхожденія указана въ одной рукописи XV вѣка, списанной нѣкоею Софіей, дочерью Рика: «такъ какъ,—говоритъ писавшая,—я несвѣдуща и женщина, то прости мнѣ, читатель».

хитить изъ монастыря то, что составляет не мой трудъ, а дары Владычицы моей, Пресвятой Богородицы, упованія моего⁴ (рѣш. XVI в.).

Изъ замѣтокъ писцовъ намъ извѣстно громадное затрудненіе, которое сплошь и рядомъ представлялось имъ въ самомъ началѣ работы. Дѣло въ томъ, что переписка всего чаще производилась съ еще древнѣйшихъ рукописей, а состояніе, въ которомъ первоначальный кодексъ попадалъ въ руки новаго переписчика, нерѣдко было до крайности печально. Монахъ Кириллъ, переписавшій въ XVI вѣкѣ не мало книгъ для Симоно-петровскаго монастыря, жалуется въ одной хартіи, что ему пришлось работать „съ трудомъ и тягостью и печалью многою“, такъ какъ ему попалась первоначальная рукопись, „полная ошибокъ и промаховъ, не только въ слогахъ и букввахъ, но и въ цѣлыхъ строкахъ; потому, если найдете какую ошибку, исправляйте, а не кляните“. Кутлумушскій инокъ Нифонтъ, не переписывая цѣликомъ старинной рукописи XII вѣка, ограничивается исправленіемъ замѣченныхъ имъ „тмы ошибокъ“ (*μῆρια σφαλμάτων*), насколько позволяетъ ему его невѣжество; онъ высказываетъ надежду, что будущій читатель рукописи помолится и за него, и за неизвѣстнаго писца, „има котораго вѣдаетъ Богъ, а я не знаю“, и заканчиваетъ свою замѣтку словами: „Да смилуется Богъ въ день судный надъ всѣми нами, надъ всѣмъ, что въ невѣдѣніи своемъ мы сдѣлали и написали. Аминь, аминь, аминь. Буди, буди!“ Наконецъ, великія затрудненія, смущавшія писца въ его работѣ, очень образно выражены игуменомъ Теоноу, переписчикомъ XVI вѣка: „Прости, читатель, если встрѣтишь какую-нибудь ошибку! Но четыре гиганта держали въ оковахъ писца: недомысліе, невѣжество, слаболодіе и непонятливость. Итакъ молись-же, чтобы не сошелъ я въ Церберу (*εἰς τὸν χέρβερον*, то есть—въ адъ)“.

Игумень Теоноа не испыталь, или только не упомянулъ еще одного затрудненія, крѣпко тормозившаго работу писца. Онъ забылъ сказать, что въ монастыряхъ часто встрѣчались неумолимые поклонники иноческаго подвига, стремившіеся ограничить жизнь монаха тѣсными рамками суроваго и холоднаго аскетизма. Такія лица неблагоклонно смотрѣли на каллиграфскія занятія иноковъ. Во времена упадка Византійской образованности случалось, что возникавшія въ обителяхъ би-

библиотеки погибали отъ рукъ самихъ же монаховъ ¹⁾. Мы находимъ въ нашихъ рукописяхъ выразительное подтвержденіе такого порядка вещей. Предисловіе игумена Кирилла, переписчика нѣсколькихъ сборниковъ XVI вѣка, стоитъ того, чтобы привести изъ него значительное извлеченіе. Игуменъ начинаетъ признаніемъ, что ради пользы читателя онъ задумалъ составить сборникъ изъ множества разнообразныхъ книгъ: такъ пчела собираетъ сладкій медъ изъ тысячи разныхъ цвѣтковъ, такъ искусный поваръ соединяетъ въ одномъ блюдѣ разныя приправы, чтобы угодить самымъ разнообразнымъ вкусамъ. Составителю сборника хотѣлось спасти отъ конечной гибели святыя книги, остающіяся въ пренебреженіи, поѣдаемыя червями; хотѣлось разнообразіемъ сборника привлечь къ нему вниманіе не однихъ усидчивыхъ, но и легкомысленныхъ и беззаботныхъ людей. „Такъ я задумалъ,—продолжаетъ игуменъ Кириллъ:—этотъ тяжелый и долгій трудъ, и совершилъ его, несмотря на всѣ поношенія (*υουγυβιουίς*) братіи. Отчего слышались эти насмѣшки? А вотъ отчего: когда мнѣ выпадалъ досугъ отъ всѣхъ послушаній, и внутри, и внѣ обитатели, я сейчасъ же садился писать, поспѣвая закончить начатую работу. И вотъ они принимались издѣваться: что—же я не исполняю монастырскихъ службъ! И не столько мнѣ стѣснѣлъ трудъ, сколько эти поношенія и обиды. Но я переносилъ ихъ гоненія, надѣясь на воздаяніе отъ Бога; я видѣлъ въ своемъ трудѣ святое дѣло, я былъ увѣренъ, что дѣло рукъ моихъ принесетъ пользу каждому, кто съ вѣрою его прочтаетъ; зналъ я и то, что всякій богоугодный трудъ встрѣчаетъ и зависть, и препоны, воздвигаемыя дьяволомъ. Потому я пропускалъ мимо ушей всѣ обидныя слова и продолжалъ работать и писать“. Въ концѣ замѣтки мы находимъ извѣстіе, что Кириллъ былъ избранъ въ игумены еще совсемъ молодымъ,— и здѣсь, намъ думается, надо видѣть еще одинъ лишній поводъ къ недовольству нѣкоторой части братіи своимъ настоятелемъ.

Но не взирая на всѣ эти затрудненія, рукописная работа продолжала процвѣтать и развиваться на Аѳонѣ. Братъ оставляетъ незаконченную рукопись для окончанія брату; любивъ

¹⁾ Иконниковъ, Опытъ изслѣдованія о культурномъ значеніи Византии въ русской исторіи, Кіевъ, 1869, стр. 45.

мый ученикъ довершаетъ работу учителя ¹⁾. Одинъ переписчикъ XVII вѣка признается въ неутолимой жаждѣ къ писанію,—только силъ да умѣнья у него не хватаетъ. Не смущаетъ писца и трата времени, потребнаго на его работу. Къ сожалѣнію, мы не встрѣчаемъ въ нашемъ источникѣ положительныхъ указаній на этотъ счетъ. Обыкновенно писецъ отмѣчаетъ только день, въ который окончена его работа. Лишь въ одной рукописи это краткое указаніе замѣняется двумя хронологическими датами, раздѣленными промежуткомъ въ цѣлыхъ восемь лѣтъ. Г. Ламбрось находитъ возможнымъ предположить, что писецъ отмѣтилъ здѣсь время начала и конца своего труда. И въ такомъ выводѣ нѣтъ ничего невѣроятнаго, особенно если принять во вниманіе, что кодексъ этотъ отличается и значительнымъ объемомъ, и особымъ изяществомъ каллиграфскаго письма.

Говоря о замѣткахъ аеонскихъ писцовъ, нельзя не упомянуть о стихотворной формѣ, въ которую часто облечены эти помѣты. И порою здѣсь можно встрѣтить порывъ искренняго поэтическаго чувства. Таково, напримѣръ, четверостишіе, сохранившееся на сборникѣ словъ Григорія Богослова, XVI вѣка: „Ты, жаждущій божественныхъ ученій, Приникни здѣсь и радостно испей: Неглѣнными потоками струятся Премудраго Григорія слова“.

Отмѣтимъ еще оригинальную записку, въ которой сказывается чрезмѣрное увлеченіе писца стихотворной формой: въ обычнымъ просьбамъ о читательскомъ свисхожденіи писецъ прибавляетъ наивное сожалѣніе: „Хотѣлъ я написать здѣсь акростихъ своего сочиненія, да бумаги не хватило ²⁾“.

Помимо рукописей, возникавшихъ въ стѣнахъ самихъ монастырей, другіе кодексы разнообразнаго содержанія поступали въ монастыри путемъ пожертвованія, на поминъ и для спасенія души. Пожертвованія эти почитались дѣломъ столько же спасительнымъ, какъ и личная работа надъ перепиской. Это всего выразительнѣе сказывается, помимо записей жертвователей, въ рисункахъ, нерѣдко сопровождающихъ эти ру-

¹⁾ Рукн XVII в.: Τὸ παρὶν φιλτήρον ἐγράφη διὰ χερσὶς Λουκᾶ Οὐγκροβλαχίτας τοῦ Κυπρίου καὶ ἐτελειώθη παρ' ἐμοῦ Ἰακώβου ἀρχιερέως καὶ ἐμοῦ ἐν τῷ ἀδελφῷ μαθητοῦ ἀδριανῆτος κατὰ Ἱερμγ' (орфографія подлинника).

²⁾ ἀπὲ χαρτῶν οὐκ ἔχω (рук. XV в.).

кописи. Лицо, жертвующее священную рукопись, представлено на такихъ рисункахъ подносящимъ свою книгу святому, Богоматери или Христу; такъ точно въ храмовую стѣнопись часто входило изображеніе строителя церкви, который, стоя на колѣнахъ передъ Спасителемъ или святымъ, подносилъ ему маленькую модель новосозданнаго храма.

Затѣмъ въ аеонскихъ библіотекахъ сохранилось значительное число рукописей, первоначально представлявшихъ личную собственность того или другого монаха и только передъ смертью завѣщанныхъ владѣльцемъ въ монастырское книгохранилище. Рукописи наши свидѣтельствуютъ, что зачастую монахи имѣли у себя въ кельяхъ цѣлыя библіотеки, пользование которыми принадлежало только владѣльцу и его ближайшимъ друзьямъ²⁾; монахи аеонскіе часто опредѣляются въ тѣхъ же рукописяхъ, какъ книголюбцы (*φιλόβιβλος*, *πάνυ φιλόβιβλος*). А въ XVIII вѣкѣ появляется уже и самое слово „библіотека“ (*βιβλωθήκη*)—о собраніи книгъ бывшаго александрійскаго патріарха Маттея въ Кутлумушскомъ монастырѣ³⁾. Такое широкое развитіе книжныхъ и литературныхъ интересовъ имѣло мѣсто особенно въ идиорритахъ, то есть въ тѣхъ обителяхъ, гдѣ монахи, собираясь вмѣстѣ въ церковной службѣ, внѣ службы, въ своихъ келіяхъ сохраняли полную самостоятельность.

IV

Исторически извѣстно наше отношеніе къ Аѳону. Тѣмъ интереснѣе узнать, какія воспоминанія остались у Аѳонцевъ о Россіи.

Здѣсь характерно и поразительно съ самаго начала, что отношенія къ Россіи запечатлѣлись у Аѳонскихъ отцовъ болѣе въ архивахъ, чѣмъ въ библіотекахъ, болѣе въ связкахъ официальной переписки, чѣмъ въ свиткахъ и пергаментахъ историческаго содержанія. Имена древне-русскихъ князей, жертвовавшихъ на Аѳонѣ, грамоты русскихъ царей и царицъ, дозволяющія святогорскимъ монахамъ сборъ подаваній по всей

²⁾ Напр. ркп. XVI в.: *κτῆμά ἐστιν Ἱωάννου μητροπολίτου Μονεμβασίας τοῦ ἀπὸ τῶν φιλῶν*, и др. др. подобныя.

³⁾ Одинъ изъ ктиторовъ монастыря, соорудившій въ немъ на свои средства много зданій и тамъ же скончавшійся въ 1776 г.

Россіи и устройство часовенъ и подворій въ Москвѣ и другихъ городахъ, книги сборщиковъ съ безчисленными записями пожертвованныхъ русскими денегъ—вотъ что бережно хранятъ Аѳонцы и вотъ что, преимущественно, они помнятъ и знаютъ о Россіи. Узнать насъ ближе, интимнѣе, сердечно узнать насъ,—кажется, не находилось охотниковъ на Аѳонѣ, и въ монастырскихъ рукописныхъ сборникахъ сохранились лишь крайне—обрывочныя и ничтожныя свѣдѣнія о нашей, столько благотворившей имъ, родинѣ.

Обзоръ этихъ данныхъ можно начать съ нѣсколькихъ приписокъ въ аѳонскихъ сборникахъ, которыя показываютъ, что самыя эти рукописи возникли въ Россіи, подъ трудолюбивою рукою тѣхъ многочисленныхъ представителей святогорскаго иночества, которые непрестанно, часто въ правильно-установленные сроки, посѣщали нашу монахолюбивую родину, для сбора подаваній на свои обители. Такъ, іеромонахомъ Макаріемъ написанъ въ августѣ мѣсяцѣ 1592 года въ Москвѣ, въ великой Россіи (*ἐν Μεγαλοβία τῆς μεγάλης Ῥωβίας*) мѣсяцесловъ; „поконченъ онъ,—заявляетъ переписчикъ:—въ царствованіе Θεодора и царицы Ирины, когда родилась дочь ихъ, Θεодосія“. Такъ, на евангеліи изъ монастыря Ставроницитскаго находимъ помѣтку іеромонаха Матѳея, написавшаго книгу „при благочестивомъ, христіолюбивомъ царѣ нашемъ и самодержцѣ всея Россіи, государѣ Θεодорѣ Іоанновичѣ, въ богоспасаемомъ градѣ Москвѣ, въ лѣто 1595-ое“. Его же письма—четвероевангеліе монастыря Кутлумуши, писанное въ Москвѣ же въ 1597 году, вѣроятно, при вторичномъ пребываніи іеромонаха Матѳея въ русской столицѣ ¹⁾.

Къ этой же ранней порѣ относится у Аѳонцевъ первая (и единственная, если не ошибаемся) попытка систематической исторіи Россіи: въ библіотекѣ Константинопольскаго подворья св. Гроба хранится исторія русскаго народа, до Дмитрія Самозванца включительно, составленная архимандритомъ Иверскаго монастыря на Аѳонѣ, Діонисіемъ, въ 1668 году, въ бытность его въ Москвѣ, и, по словамъ самого автора, составленная по многимъ славянскимъ книгамъ. Обнаруженія этого

¹⁾ Одна рукопись написана въ 1741 году въ Нѣжинѣ (*ἐν Νεζυν τῆς Κοζαχίας*), гдѣ съ XVII вѣка существовала греческая община; имя переписчика—іеромонахъ Мелетій.

во многихъ отношеніяхъ интереснаго труда можно ожидать отъ профессора А. А. Дмитріевскаго ¹⁾).

Сношенія Россіи съ Аеономъ особенно оживляются во времена патриаршества Никона. Въ своихъ заботахъ объ исправленіи богослужебныхъ книгъ, энергичный первосвятитель русской церкви обратилъ свои взоры прежде всего на богатый книгами Востокъ. Харатейная рукопись XVIII вѣка изъ монастыря св. Павла содержитъ, между прочимъ, „Сжатое объясненіе святой, божественной литургіи дидаскала Мелетія Сирига, богослова и св. евангелія проповѣдника (*κῆρυκος*), составленное по просьбѣ патриарха московскаго Никона“. Выдающійся богословъ Константинопольской церкви XVII вѣка, Сиригъ принималъ замѣтное участіе и въ современной ему церковной жизни Россіи. Въ константинопольскомъ Святогробскомъ подворьѣ хранится принадлежавшая Сиригу рукопись „Исповѣданія вѣры“ кіевскаго митрополита Петра Могилы. Рукопись сопровождается такимъ, важнымъ для нашей церковной исторіи, примѣчаніемъ: „Эта книга принесена намъ мудрѣйшими послами Русскими, господиномъ Исаіей Трофимовичемъ, Игнатіемъ Оксеновичемъ (*Ὁξενovichion*) и Осипомъ Кононовичемъ, чтобы нами была исправлена, нами, экзархами и легатами Великой церкви, и преосвященнымъ митрополитомъ Нивейскимъ, Порфиріемъ, и мною, М. Сиригомъ, дидаскаломъ Великой церкви. Эти изысканія присланы намъ въ Яссы въ Молдавію преосвященнымъ митрополитомъ Кіевскимъ черезъ его пословъ, Исаію, Игнатія и Иосифа, 26 октября 1642 года“. Это годъ Ясскаго собора, въ которомъ Сиригъ участвовалъ въ качествѣ легата вселенскаго патриарха Паренія. Въ той же святогробской библиотекѣ имѣется рукопись написанныхъ Сиригомъ службъ кіевопечерскимъ святымъ и положенія Хитона Спасителя, присланнаго персидскимъ шахомъ Аббасомъ царю Михаилу Феодоровичу ²⁾).

Помимо книгъ, патриархъ Никонъ искалъ на Востокѣ и каноническаго утвержденія произведенныхъ имъ исправленийъ въ славянскихъ богослужебныхъ текстахъ. Среди Аеоныхъ рукописей мы встрѣчаемъ каноническое посланіе къ Никону Константинопольскаго патриарха Паисія I; подзаголовокъ

¹⁾ См. его «Путешествіе по Востоку и его научные результаты. Отчетъ о заграничной командировкѣ въ 1887/8 г. г. «Кіевъ, 1890, стр. 67.

²⁾ Дмитріевскій, Путешествіе по востоку, стр. 64—7.

послания— „письмо къ Московитамъ“ (*ἡ πρὸς Μοσχωνίτας ἐπιστολή*). Въ Россіи посланіе это издано проф. Троицкимъ въ Петербургѣ, въ 1881 году.

Сношенія Россіи съ Востокомъ по церковнымъ дѣламъ нѣсколько слабѣютъ при Петрѣ I, отчасти подъ вліяніемъ преобладанія въ это царствованіе военныхъ интересовъ. Однако и въ эти годы мы встрѣчаемъ въ Россіи одного высокаго представителя Восточной церкви, которому принадлежала значительная доля участія въ церковныхъ дѣлахъ Россіи. Разумѣемъ Хрисанеа Нотара, Святогробскаго архимандрита, а потомъ патріарха Іерусалимскаго, письмо котораго, писанное изъ Москвы, мы находимъ въ одномъ Аеонскомъ сборникѣ XVIII вѣка. Еще будучи святогробскимъ архимандритомъ, Нотара трижды посѣтилъ Россію — въ 1691, 1693 и 1701 годахъ. Въ 1697 году, какъ человѣкъ уже хорошо извѣстный русскому правительству, архим. Хрисанеъ даетъ отъ себя рекомендательное письмо отправляющемуся въ Москву за сборомъ подавній игумену острова Памеа (т. е. Патмоса), Филовею ¹⁾. И однако, во многомъ обязанный русскому правительству, Нотара втайнѣ относился съ горячимъ сочувствіемъ къ сепаратистскимъ планамъ запорожскихъ казаковъ и Мазепы; съ гетманомъ онъ имѣлъ тайныя сношенія по церковно—политическимъ вопросамъ ²⁾. Это былъ, вообще, яркій образецъ греческой двуличности, достойно оцѣненной уже старой нашею лѣтописью ³⁾. Въ самомъ дѣлѣ, сдѣлавшись патріархомъ, Хрисанеъ снова представляется какъ бы искреннимъ доброжелателемъ Россіи: въ изданное имъ въ 1715 году изслѣдованіе о пяти патріаршихъ престолахъ, списки съ котораго имѣются и на Аеонѣ, входитъ и исторія Московскихъ патріарховъ, а спустя тринадцать лѣтъ Хрисанеъ препровождаетъ въ даръ юному императору Петру II рукопись своего описанія Іерусалима ⁴⁾.

¹⁾ Дмитріевскій, Патмосскіе очерки, Кіевъ. 1894, стр. 71.

²⁾ «Византійскій Временникъ», томъ III, выпускъ I, стр. 169 (рецензія на изслѣдованіе г. Хрисанеа Лопарева о Хрисанеѣ Нотара).

³⁾ Ср. выраженіе ея объ одномъ епископѣ изъ грековъ: «лѣсть та въ себѣ, баше бо родомъ Гречинъ».

⁴⁾ Ср. у Нападопуло-Керамевса, въ его описаніи Іерусалимской патріаршей бібліотеки, томъ I, подъ № 101.

Къ царствованію императрицы Екатерины II относится въ Аѳонскихъ рукописяхъ „слово, произнесенное великой Самодержицѣ всея Россіи, Екатеринѣ II, мудрѣйшимъ Евгеніемъ (Булгарисомъ), въ день его нареченія въ епископы, 1-го октября 1775 года, въ Москвѣ (*ἐν Μόσχᾳ*) въ Греческомъ монастырѣ“. Имя преосв. Евгенія обращаетъ нашу мысль къ одному изъ грандіознѣйшихъ дѣяній грандіознаго царствованія великой государыни. По широкому замыслу Потемкина, Новороссійскія степи заселялись выходцами съ Балканскаго полуострова. Для этого смѣшаннаго населенія, состоявшаго главнымъ образомъ изъ Грековъ и Славянъ, должно было подыскать и соотвѣтствующихъ пастырей, знакомыхъ съ жизнью поселенцевъ Новороссіи еще въ прежней ихъ родинѣ. Между другими, выборъ императрицы палъ и на аѳонскаго іеродіакона Евгенія, слушавшаго въ Лейпцигѣ университетскія лекціи рядомъ съ Козодавлевымъ, Зиновьевымъ и другими сотрудниками Екатерины и ея преемниковъ. Но слабое знаніе русскаго языка и русскихъ законовъ не долго позволило Булгарису пробыть на архіерейской кафедрѣ Славонской и Херсонской. Остатокъ жизни архіепископъ Евгеній провелъ въ Петербургѣ, въ Александроневской лаврѣ, среди научныхъ занятій. Петербургская Духовная Академія обязана преосв. Евгенію богатымъ книжнымъ собраніемъ ¹⁾. Наука русской исторіи поминаетъ его, какъ одного изъ первыхъ ученыхъ, занявшихся „Историческими разысканіями о времени крещенія кн. Ольги“ (Спб. 1792) ²⁾.

Изъ царствованія императора Павла Петровича—на Аѳонѣ сохранилось сказаніе о построеніи въ Петербургѣ церкви во имя архангела Михаила въ 1797 году. У преосв. Порфирія есть полный списокъ этого преданія, вмѣстѣ съ русскимъ его переводомъ (2-ое путешеств. въ Аѳонск. мон., стр. 91 и слѣд.). Согласно этому преданію, императоръ Павелъ I, еще будучи великимъ княземъ, видѣлъ однажды чудесный сонъ: явился ему архангелъ Михаилъ и, предсказывая, что Павелъ будетъ царемъ, взялъ съ него обѣщанье построить тогда храмъ во имя арх. Михаила. Когда Павелъ I вступилъ на престолъ, то

¹⁾ Преосв. Порфирій, Первое путешеств. въ Аѳонск. монаст., часть II, отд. II, стр. 61 и сл.

²⁾ Бестужевъ-Рюминъ, Русская исторія, томъ I, стр. 102.

„среди многихъ царственныхъ заботъ“ онъ забылъ о своемъ обѣщаніи. Тогда архангелъ Михаилъ, принявъ видъ монаха, трижды являлся „первому царскому тѣлохранителю“ (*εις τὸν πρῶτον σωματοφύλακα*), наконецъ и самому императору, чтобъ напомнить о забытомъ обѣтѣ. Храмъ былъ построенъ. Преданіе это, принесенное на св. гору „достойными вѣры монахами“ свята Черный Виръ ¹⁾, завершается слѣдующими торжественными словами: „Это чудо заградилъ и заграждаетъ и заградитъ дѣвольскія уста безбожниковъ (*τὰ διαβολικὰ στόματα τῶν ἀθεϊστῶν*), потому что оно есть самое ясное и осязательное доказательство Божества. Оно же предвозвѣщаетъ и то, что будутъ великія и всемірныя побѣды царства Россовъ, почитающаго величайшаго архистратига Силъ Господнихъ, Михаила, его—же предстательствомъ да избавимся отъ видимыхъ и невидимыхъ враговъ и да всѣ сподобимся царствія небеснаго. Аминь“.

Еще слабѣе представлены въ святогорскихъ библиотекахъ литературныя вліянія Россіи. Помимо проповѣдей древне—русскихъ церковныхъ витій, въ большинствѣ грековъ по происхожденію, мы нашли въ описаніи г. Ламброса упоминаніе объ одномъ лишь произведеніи русскаго писателя: это проповѣди архіепископа Иннокентія Харьковскаго (*ἱεροπρεσβύτερου Χαροκοβίας*), въ списекъ съ печатнаго изданія, вышедшаго въ Аѳинахъ въ 1847 году въ переводѣ Александра Скарлатовича Стурдзы, — еще одинъ талантливый Грекъ, нашедшій въ далекой Россіи пріютъ и признаніе своихъ литературныхъ заслугъ.

Какъ рѣдкія свѣтлыя точки во мракѣ прошлаго, въ святогорскихъ рукописяхъ мелькаютъ только немногіе моменты изъ длинной исторіи русско-аѳонскихъ отношеній. Чѣмъ же вѣнчается эта многовѣковая исторія? Каковы въ настоящее время чувства Аѳонцевъ къ Россіи? Объ этомъ въ красно-рѣчивыхъ краскахъ свидѣтельствуетъ обстоятельный очеркъ А. А. Дмитріевскаго: „Русскіе на Аѳонѣ“. Здѣсь пораженія и побѣды русскаго иночества на св. горѣ представлены съ документальною отчетливостью.

Д. Шестановъ.

¹⁾ Основанъ въ 1747—54 г. г. на участкѣ монастыря Зографа русскими монахами (преосв. Порфирій. Второе путеш., стр. 257).